

Разрешение как побудительный речевой акт

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 1998

А. Вежбицка предлагает следующую экспликацию семантической структуры *разрешения*:

«Я позволяю¹ тебе сделать Z =
Предполагая, что ты не можешь сделать то,
что я не хочу, чтобы ты делал,
не желая побуждать тебя не делать Z,
я говорю: я не говорю: я не хочу, чтобы ты делал Z» [Wierzbicka 1972], цит. по [Вежбицка 1985: 263].

Авторы [Mlúvnice češtiny 1987: 346] относят к релевантным интерактивным условиям *разрешения* следующее: (1) адресат заинтересован в реализации / нереализации определенной деятельности; (2) для реализации / нереализации этой деятельности существуют некие препятствия или ограничения; (3) говорящий компетентен ликвидировать эти препятствия или ограничения; (4) просьба об этом была высказана либо ожидается. В последнем случае речь идет о своего рода «упреждающем» разрешении, когда говорящий как бы предваряет возможную просьбу адресата, очевидную из контекста².

¹ Мы полагаем, что в русском языковом сознании различия между *разрешением* и *позволением* прежде всего стилистические (*позволение* воспринимается либо как более официальное, либо как устаревающее). С этим, видимо, связаны и некоторые различия в узусе глаголов *позволить / позволять* и *разрешить / разрешать*: в то время как *Разрешите!* — прежде всего запрос разрешения, *Позвольте!* — прежде всего выражение несогласия с существующей ситуацией (хотя возможен и запрос разрешения), ср.: *Разрешите / Позвольте* [пройти]!; *Позвольте*, это мой [бульонный кубик]! (реплика из телерекламы). Устаревшим синонимом *позволения* является *дозволение*, ср.: Не гневайтесь, сударь: по долгу моему Я должен сей же час отправить вас в тюрьму. — Извольте, я готов; но я в такой надежде, Что дело объяснить *дозволите* мне прежде (Княжнин; эпитафия к XIII главе «Капитанской дочки» А. С. Пушкина); У вас причины есть хвалить их от души, Но я прошу у вас о малом снисхожденье: *Дозволить* при своем остаться мне сужденье. (Мольер, перевод Т. Щепкиной-Куперник).

² Аналогично описывается нормативно-игровая ситуация *разрешения* и отечественными исследователями, ср.: «...инициатива на осуществление действия принадлежит слушающему: он желает осуществить действие, но не имеет достаточно полномочий, говорящий в данном случае имеет статус “инстанции, обладающей полномочиями”. Исходя из собственной оценки ситуации или в ответ на запрос слушающего, говорящий

Особый по сравнению с прочими основными побудительными интерпретациями статус разрешения интуитивно очевиден. Весьма показательно то, что эта интерпретация называется исследователями в целом так же часто, как и игнорируется, ср. обзор выделяемых в русистике подтипов побуждения в [Храковский, Володин 1986: 133-134]. Также весьма показательно то обстоятельство, что один из ведущих современных чешских синтаксистов М. Грепл, рассматривавший разрешение (*dovolení*) в [Grepl, Karlík 1986: 76] и [Mluvnické češtiny 1987: 346] в разделе «Высказывания с коммуникативной функцией побуждения» [соответственно *Výpovědi s komunikativní funkcí výzvy / Výpovědi s komunikativní funkcí žádací (výzovou)*], в [Příruční... 1996: 615] уже настаивает, что высказывания типа *Na ten kurs (tedy) nejezděte* [‘Не посещайте (= можете не посещать) этот курс’]; *Přijímejte (tedy) návštěvy na rokoji* [‘Приглашайте (= можете приглашать) гостей’]; *Ne tak tedy přijímejte...*; *Tak dobrá, přijímejte (tedy)...* [‘Ладно //, приглашайте (= можете приглашать) гостей...’]; *Klidně si zapalte* [‘Спокойно закуривайте’]; *Jen si posad'te* [‘Садитесь, садитесь’]; *Samozřejmě si zatelefonojte* [‘Конечно, звоните’]; *Tak tedy běžte* [‘Бегите, бегите’]; *Tak se tedy ještě chvíli dívej (na televizi)* [‘Смотри уж еще минутку (телевизор)’] не являются побудительными, и относит их к пермиссивам и концессивам, объединяя выражающие разрешение (*dovolení*) высказывания с высказываниями, выражающими согласие (*souhlas*), несогласие (*nesouhlas*), отказ (*odmítnutí*), возражение (*námítka, ohrazení*), протест (*protest*), поддакивание (*přítakání*)³. Подобные колебания исследователей относительно статуса разрешения имеют под собой достаточные основания. С одной стороны, семантическая соотносимость разрешения с запретом и приказом не вызывает сомнений, равно как и регулярность выражения разрешения с помощью императивных конструкций — грамматического средства, специфицированного в обоих сопоставляемых языках (как, впрочем, и не только в них) именно для выражения побуждения. С другой стороны, так же очевидна семантическая соотносимость разрешения с согласием⁴, при выражении которого и в русском, и в чешском языках

дает разрешающую или запрещающую санкцию. При этом волеизъявление касается не самого действия, а права на его осуществление» [Ласка, Новицкая 1988: 70].

³ В [Grepl, Karlík 1986: 76] и [Mluvnické češtiny 1987: 346] группа «согласие, несогласие...», не включающая «разрешение», противопоставлялась «побудительной» группе, включающей «разрешение».

⁴ Имеется в виду «согласие как реакция на побуждение». Разграничение *согласия*₁ (согласие с мнением) и *согласия*₂ (согласие с побуждением) см., например, в [Галактионова 1988: 145-168].

характерны именно неимперативные средства (например, русск. *Ладно; Хорошо* и чешск. *Souhlasím; No dobře (tak); Klidně; Beze všeho*) и которое традиционно исключается из числа побудительных высказываний, ср., например [Прокопчик 1955].

Серьезным аргументом против включения речевого акта *разрешения* в число директивных речевых актов является то обстоятельство, что его не всегда можно рассматривать в качестве самостоятельного — обычно ему предшествует речевой акт запроса разрешения, ср. [Бирюлин 1992: 22-23], [Хоанг Ань 1993: 5-8], тогда как в случае с прочими директивами (особняком стоят *совет* и *запрещение*⁵) речь идет об инициативных речевых актах⁶.

Немаловажным является и то обстоятельство, что речевой акт разрешения, как мы полагаем, не содержит, в отличие от большинства директивных речевых актов, семы *необходимости* каузируемого действия. Иначе говоря, формула побудительного речевого акта⁷ в случае с *разрешением* принимает следующий вид:

Говорящий сообщает Слушающему о возможности осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление

⁵ Совет и запрещение регулярно реализуются как в инициативных, так и в реактивных речевых актах. При этом «если совет дается по инициативе говорящего, то он может вызвать негативную реакцию исполнителя, поскольку люди в принципе не любят “непрошенные советы”: *Одна девушка встала и принесла веревку. А парень принес стремянку и поставил ее под крюк, на котором висела люстра. — Люстру сними пока, посоветовали. — Сам снимай! — огрызнулся парень* (В. Шукшин)» [Теория... 1990: 205-206]. Что же касается *запрещения*, то его инициативность / реактивность может быть обусловлена, на наш взгляд, тем, отрицательным коррелятом какого речевого акта (*приказа* или *разрешения*) оно в конкретный момент выступает: «отрицательный приказ» — инициативный речевой акт, «отрицательное разрешение» — реактивный.

⁶ Видимо, именно это обстоятельство явилось решающим для М. Грелла, перерабатывающего раздел о коммуникативных функциях для [Příruční... 1996], так как перегруппировке подверглись и другие параграфы: инициативные речевые акты объединились с инициативными, а реактивные — с реактивными.

⁷ Мы рассматриваем в качестве *побудительных* высказывания, в которых Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления Агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*. Естественно, что ‘воздержание от действия’ также является своего рода ‘действием’; равно как ‘сообщение о необходимости’ или ‘сообщение о возможности’ может значить не только ‘необходимость’ или ‘возможность’, но и ‘отсутствие необходимости’ или ‘отсутствие возможности’. Обоснование данной формулы см. в [Сопоставительные... 1998: 174-177].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. - Вып. 5. - 124 с. ISBN 5-7552-0124-2

данного действия самим фактом своего сообщения, при этом возможность осуществления Агенсом данного действия обуславливается волеизъявлением Прескриптора.

Что же касается речевых актов типа *согласие, несогласие, возражение...*, то мы склонны рассматривать их в качестве побудительных (лежащих на периферии поля побудительности) в той степени, в какой они способны (хотя бы чисто теоретически) соответствовать названной формуле. Например: *Ладно!* = 'Я, Говорящий, сообщаю тебе, Слышающему, что Агенс вправе осуществить действие, очевидное из контекста, и что я пытаюсь каузировать осуществление этого действия самим фактом своего сообщения, при этом Агенс приобретает право осуществить данное действие в результате моего волеизъявления'.

Л и т е р а т у р а

- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 41 с.
- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251-275.
- Галактионова И. В.* Средства выражения согласия // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 145-168.
- Ласка И. В., Новицкая В. В.* О функционально-коммуникативной семантике императивных высказываний // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988. С. 69-71.
- Прокопчик А. В.* Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1955. 16 с.
- Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А. Г. Широковой*. М., 1998. 326 с. [авторы I-IV частей монографии соответственно: *Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Изотов А. И., Ананьева Н. Е.*]
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. 264 с.
- Хоанг Ань.* Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1993. 20 с.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986. 270 с.
- Grepl M., Karlik P.* Skladba spisovné češtiny. Praha, 1986. 474 s.
- Mluvnice češtiny. Praha, 1987. D. III. 748 s.
- Příruční mluvnice češtiny. Brno, 1996. 800 s.